

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

Настоящая книга продолжает серию изданий, знакомящих с классическими, а также наиболее ценными реферативными работами общей психологии. Широта и разветвленность проблемы эмоций, которой посвящен данный выпуск, не позволили в его пределах равномерно отразить все множество исторических и современных направлений, сложившихся в изучении этой проблемы. В связи с тем, что результаты экспериментального исследования эмоций в литературе на русском языке сравнительно полно освещены (Вудвортс, 1950, гл. XX-XXII; Линдслей, 1960; Фресс, 1975; Рейковский, 1979; Изард, 1980), предпочтение было отдано обобщающим теоретическим работам; именно они составляют основное содержание настоящего издания. Наряду с ними в книгу включен ряд работ, описывающих и анализирующих отдельные эмоциональные состояния, и частности, патологические, а также индивидуальные особенности эмоциональной сферы человека. Кроме того интереса, который вызывает такого рода феноменологический материал сам по себе, он полезен еще и тем, что оттеняет односторонность и пристрастность примеров, приводимых в теоретических работах; проверяя на нем положения этих работ, читатель сможет убедиться в мере их универсальности и объяснительной ценности. А поскольку подобного испытания фактами современная теория эмоций часто не выдерживает, феноменологический материал важен еще и тем, что намечает актуальные задачи ее завтрашнего дня.

Значение проблемы эмоций едва ли нуждается в обосновании. Какие условия и детерминанты ни определяли бы жизнь и деятельность человека - внутренне, психологически действенными они становятся лишь в том случае, если им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней. Конституируя в человеке пристрастность, без которой немислим ни один активный его шаг, эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека.

Такая универсальная значимость эмоций должна являться, казалось бы, надежным залогом как повышенного интереса к ним, так и сравнительно высокой степени их изученности. И действительно, на протяжении многовековой истории исследования эмоций они пользовались самым пристальным вниманием, им отводилась одна из центральных ролей среди сил, определяющих внутреннюю жизнь и поступки человека. Однако в современной позитивистски настроенной психологии отношение к проблеме эмоций совершенно иное. Интерес к ним стал гаснуть по мере того, как стали накапливаться неудачи в попытках отыскать достаточно тонкие и надежные средства для объективного (в позитивистском смысле слова) их изучения. Внимание исследователей постепенно стало ограничиваться сравнительно узким кругом проблем, таких как выражение эмоций, влияние отдельных эмоциональных состояний на деятельность, допускающих разработку при помощи эксперимента. Соответственно сузились и концепции эмоций*,

*Об этом свидетельствуют и их названия: <периферическая>, <активационная>, <конфликтная>, <информационная> и т. п.

уступив в психологической теории былое место и значение нововведенным проблемам мотивации, стресса, фрустрации.

Необходимость и оправданность происшедшего смещения интересов и базовых понятий надлежит оценить будущим историкам науки. Сегодня же достаточно подчеркнуть, что к концепциям эмоций, созданным в более или менее отдаленном прошлом, никак нельзя относиться со снисходительной легкостью, которая может породиться установкой <современное - значит лучшее>, сложившейся в других областях познания. Исключения из этого закона встречаются не только в искусстве, и психология эмоций - наглядное тому подтверждение. Иначе разве можно было бы, например, утверждать, что <Спиноза поэтому самым тесным образом связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций>, что <проблемы Спинозы в нерешенном виде ждут своего решения> (Выготский, 1970, с. 130).

Отсутствие преемственности между теориями, созданными в различные исторические эпохи, не может не осложнять задачу ознакомления с психологией эмоций, объединения в единую обобщенную картину всего, что установлено или утверждается в отдельных концепциях и школах. Читатель, желающий составить такую картину по материалам данной книги, столкнется еще и с дополнительными затруднениями, связанными с тем, что многие концепции воспроизводятся в ней со значительными сокращениями. Впрочем, затруднения легче преодолевать, если они известны и когда есть возможность к ним подготовиться. Мы надеемся, что излагаемые ниже замечания и уточнения смогут быть использованы, в частности, и для этой цели.

Следует отметить, что традиционные ссылки на неразработанность проблемы эмоций, противоречивость существующих концепций, авторы которых, по словам Э. Клапареда*,

*Набранная курсивом фамилия автора означает ссылку на текст, помещенный в данной книге.

<не находят согласия ни в фактах, ни в словах>, хотя и не лишены оснований, являются несколько преувеличенными. Такое впечатление создают формальные особенности концепций, их внешний вид, различия в словаре, формулировках, решаемых проблемах и т.п. Но хотя с разных сторон, на основе разной терминологии и традиций эти концепции анализируют тем не менее одно и то же явление действительности -- эмоции; уже одного этого достаточно для того, чтобы формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказывались больше взаимодополняющими, чем противоречащими. Необходимо выработать лишь привычку видеть сквозь внешнее оформление положений их внутреннее содержание, отделять его от случайных сопутствующих деталей.

Большую путаницу в психологию эмоций вносят терминологические расхождения. В какой-то мере они заложены уже в повседневном языке, позволяющем нам называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость. Но это свидетельствует о том, что феноменологический материал, объяснить который призвана теория эмоций, не обладает отчетливо различимыми признаками, которые могли бы обеспечить некоторую единую изначальную его группировку и упорядочивание. При решении этой задачи в психологической теории влияние неизбежно оказывают концептуальные традиции и представления, которые в силу своих различий закрепляют за неопределенными житейскими понятиями различное содержание. На запутанность реального соотношения того, что в разных концепциях обсуждается под одними и теми же названиями эмоций, страстей или чувств, оказало влияние еще и то обстоятельство, что они создавались на разных языках и в разные эпохи, имеющие свои традиции в употреблении таких понятий.

Из-за существующей терминологической неоднозначности в психологии эмоций очень важно учитывать условность названий и решать вопрос об их соотношении не по внешнему звучанию, а на основе тщательной проверки того, что именно они обозначают. Однако выявление реального содержания базовых понятий важно не только для того, чтобы получить возможность сопоставлять отдельные теории. Круг психических явлений, относимых той или иной теорией к классу эмоциональных, представляет собой не что иное, как объект этой теории, от которого в значительной мере зависят многие ее особенности. Очевидно, что теории, наделяющие аффективностью всякий психический процесс (В. Вундт, Н. Грот, С. Л. Рубинштейн), и теории, для которых аффективное состояние - особое событие, означающее, что в нормальном протекании психического процесса произошло некоторое отклонение (Ж.-П. Сартр, П. В. Симонов), различаются не только решением вопроса о том, что следует относить к эмоциям. Это решение предопределяет масштабность этих теорий, характер и уровень общности рассматриваемых в них проблем, от него зависит, будет ли в теории анализироваться процесс, выполняющий в психическом универсальную роль, или же она будет посвящена одному из частных механизмов, предназначенных для специфических условий и только в них проявляющихся. Поэтому решение вопроса об объеме класса эмоциональных явлений представляет собой как бы визитную карточку каждой теории, важнейшую исходную ее характеристику, которую следует прежде всего учитывать при определении к ней требований и ожиданий.

Как всякое сложное и многогранное явление, эмоциональная сфера отражения может изучаться в различных аспектах, и от теории мы вправе ожидать равномерного освещения всевозможных ее сторон, последовательного раскрытия ее структуры, генезиса, функций и т. п. К сожалению, многое из того, что в учении об эмоциях по традиции называется многообещающим словом <теория>, по существу представляет собой скорее отдельные фрагменты, лишь в совокупности приближающиеся к такой идеально исчерпывающей теории. Умение не видеть сразу много проблем иногда является условием продвижения в одной из них, поэтому отдельные работы могут быть интересными, пронизательными, тонкими, могут знакомить нас с очень важными особенностями эмоциональной жизни, но в то же время оставлять нерешенными и даже необозначенными многие не менее интересные и важные вопросы.

Полнота и специфический характер рассматриваемых вопросов является другой важнейшей характеристикой существующих теорий, отражающей их внутреннее строение и как бы локализирующей их в общей панораме проблем, решаемых психологией эмоций. Однако для выявления этой характеристики необходимо иметь хотя бы предварительное представление о том, каков, так сказать, сводный вид всей проблематики эмоций, какие вообще вопросы решаются в ее пределах. Ниже мы попытаемся наметить перечень основных проблем, в том или ином сочетании рассматриваемых в работах по психологии эмоций.

Условия возникновения эмоций. Затруднения, возникающие при попытке провести непосредственно различаемую грань между эмоциональными и неэмоциональными явлениями, вынуждают искать отличительные признаки эмоций в более широком контексте их проявления, в частности во внешних и внутренних условиях их возникновения. Существующие концепции различаются по тому, какое значение в них придается этому вопросу: если для некоторых из них он является одним из многих, то для других - одним из центральных (как правило, наряду с вопросом о функциях эмоций)

рассматриваемых вопросов. К последним относятся, например, теории У. Джемса, Ж.-П. Сартра, П. К. Анохина, П. В. Симонова, группа так называемых <конфликтных> теорий, не представленных в данной книге (Pie'ron, 1928; Hodge, 1935; Andreani, 1968; и др.). теоретическая схема П. Фресса (1975) и др.

В ответах на рассматриваемый вопрос обычно признается, что эмоции возникают в случаях, когда происходит нечто значимое для индивида. Расхождения начинаются при попытке уточнить характер и меру значимости события, способного возбудить эмоцию. Если для В. Вундта или Н. Грота любое воспринимаемое событие является значимым, т. е. эмоциональным уже в силу того, что в момент восприятия оно является частью жизни индивида, не знающей беспристрастного состояния и во всем способной найти хотя бы незначительный оттенок интересного, неожиданного, неприятного и т. п., то, согласно Р. С.Лазарусу (Lazarus, 1968), эмоции возникают в тех исключительных случаях, когда на основе когнитивных процессов производится заключение о наличии, с одной стороны, некоторой угрозы, с другой - невозможности ее избежать. Однако эти внешне столь различные точки зрения не являются взаимоисключающими, просто речь в них идет о разном. В работе Лазаруса дана схема возникновения лишь тех <очевидных>*

* См. работу Р. У. Липера. в которой обсуждаются причины такого ограниченного понимания эмоций.

эмоциональных состояний, которые в терминологии, принятой в советской психологии, скорее следовало бы отнести к аффектам. Весьма сходным образом представляет возникновение эмоций-аффектов Э. Клапаред, однако в его концепции утверждается, что предварительную оценку угрозы производят не интеллектуальные процессы, как считает Лазарус, а особый класс эмоциональных явлений - чувства.

Таким образом, решение вопроса об условиях возникновения эмоций определяется прежде всего тем, какой именно класс (или классы) эмоциональных явлений обсуждается в той или иной работе. При широкой трактовке эмоций их возникновение связывается с устойчивыми, обычными условиями существования, такими как отражение воздействия или предмета (эмоции выражают субъективное их значение), обострение потребностей (эмоции сигнализируют об этом субъекту) и т. п. При узком понимании эмоций они рассматриваются как реакция на более специфические условия, такие как фрустрация потребности, невозможность адекватного поведения, конфликтность ситуации, непредвиденное развитие событий и др.

Убедительность примеров и экспериментальных данных, приводимых в подтверждение этих различных точек зрения, свидетельствует о дифференцированности эмоций в отношении условий их возникновения и, следовательно, о неминуемой ограниченности попыток охватить эти условия в некотором обобщенном принципе или положении. Эти попытки способны вооружить нас знаниями такими же отвлеченными, как и понятие <эмоция вообще>, и доведенные до полного охвата в них всего разнообразия эмоциональных явлений смогут констатировать лишь (как это показывает обобщение существующих точек зрения) двойную обусловленность эмоций: с одной стороны, потребностями (мотивацией), с другой - особенностями воздействий (ситуации).

О сложности пути, который необходимо пройти, желая отразить в теории реальную сложность эмоциональной жизни, можно составить представление по непревзойденному анализу условий возникновения эмоций в учении Б. Спинозы. Оно показывает, что на возникновение эмоций наряду с такими анализируемыми в современных теориях условиями, как фрустрация, нарушение жизненных констант (<изменение способности тела

и души к действию>) или отражение возможности достижения целей (<сомнения в исходе вещи>), влияет множество других факторов: ассоциации по сходству и времени, отражение причинных связей, <судьба> предметов наших чувств, сопереживание, представление о справедливости происходящего и др.

Разумеется, этот материал нуждается в адаптации к современным представлениям и терминологии, но, с другой стороны, он обнаруживает многие аспекты проблемы, которых в этих представлениях явно недостает.

Эмоции и процессы познания. Данный вопрос важен тем, что отражает представления о положении эмоций в системе психического, главной особенностью и основой которого всегда рассматривались процессы познания.

В истории психологии доминировала традиция обособления эмоциональных процессов в отдельную сферу, противопоставляемую сфере познания в принципиальном различии, например, разума и сердца, чувств и познания, интеллекта и аффекта. Достаточно выраженной является также тенденция признавать при сопоставлении этих сфер первичность и преимущество процессов познания. Крайняя в этом отношении позиция получила название интеллектуализма, различные направления которого рассматривали эмоции как свойство или разновидность ощущений, как результат взаимодействия представлений или особый вид познания (см.: Грот, 1879-1880, ч. I; Вундт. т. 2, гл. 11.5). Интеллектуалистическая трактовка эмоций занимает прочные позиции и в современной зарубежной психологии. Так, в работах Р. У. Липера развитие аргументов в пользу мотивирующей функции эмоций несколько неожиданно завершается утверждением, что эмоции - суть восприятие.

Очевидно, что взгляды, сводящие эмоции к процессам познания, и, с другой стороны - признающие в том или ином виде лишь вторичность эмоций, их зависимость от познавательного отражения - различаются принципиально. Существуют различия и в степени обоснованности этих двух точек зрения: первая базируется главным образом на теоретических представлениях, тогда как вторая подтверждается еще и отчетливыми феноменологическими данными, констатируемыми в утверждениях, что эмоции сопровождают, <окрашивают> познавательно отражаемое содержание, оценивают и выражают субъективное его значение. Действительно, мы восторгаемся или возмущаемся, опечалены или гордимся обязательно кем-то или чем-то, приятными или тягостными бывают наши ощущения, мысли, состояния, приключения и т. п. Можно думать, что именно из-за своей очевидности предметность эмоций признается в ряде теорий без особого акцентирования. Между тем есть основания утверждать, что именно эта их особенность является центральной для характеристики отношения эмоций к процессам познания.

Предметность эмоций исключает трактовку, рядополагающую их процессам познания, и требует представления об эмоциональной сфере как об отдельном пласте психического, как бы надстраиваемом над познавательным образом и занимающем положение между ним и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т. п.). При такой <локализации> эмоции легко вписываются в строение образа как носитель субъективного отношения к тому, что в нем отражается (данная характеристика эмоций встречается весьма часто). Облегчается также понимание как упомянутой двойной обусловленности эмоций (потребностями и ситуацией), так и их сложных взаимоотношений с процессами познания.

Согласно ряду концепций, некоторое непосредственно эмоциогенное событие может вызвать формирование новых эмоциональных отношений к различным обстоятельствам,

связанным с этим событием, причем основой для такого развития эмоционального процесса служит именно познавательный образ. Так, сильные эмоции способны придать эмоциональную окраску практически всему, что так или иначе связано с ситуацией их возникновения {А. Р. Лурия, Я. М. Калашник.}. В более обычных случаях предмет новых эмоциональных отношений служат условия и сигналы непосредственно эмоциогенных воздействий. Согласно одному из центральных определений Б. Спинозы, предмет любви-ненависти становится все, что познается субъектом как причина удовольствия-неудовольствия. Во всех такого рода случаях эмоциональный процесс как бы идет по путям, проложенным процессами познания, подчиняясь в своем развитии тем связям, которые усматриваются субъектом в объективной действительности. Однако важно подчеркнуть, что процессы познания здесь управляют лишь развитием эмоционального процесса, в изначальном порождении которого решающее значение имеет уже не само по себе познание, а соответствие того, что познается, потребностям индивида.

Но в отношении к познавательным процессам эмоции выступают не только в пассивной роли <ведомого> процесса. Существуют убедительные данные, свидетельствующие о том, что эмоции, в свою очередь, являются важнейшим фактором регуляции процессов познания. Так, эмоциональная окрашенность является одним из условий, определяющих произвольное внимание и запоминание, этот же фактор способен существенно облегчить или затруднить произвольную регуляцию этих процессов; хорошо известно влияние эмоций на процессы воображения и фантазии; при неопределенном стимульном материале или при выраженной интенсивности эмоции могут исказить даже процессы восприятия; от эмоций зависит целый ряд характеристик речи, накапливаются данные о тонком регулирующем их влиянии на мыслительные процессы. Следует отметить, что эти разнообразные и очень важные проявления эмоций изучаются, главным образом, в экспериментальной психологии (см.: Рейковский, 1979, гл. IV; Васильев и др., 1980), в теоретических же работах на них обращается меньшее внимание.

Таким образом, направляя эмоции на причины, сигналы и т. д. значимых событий, процессы познания тем самым определяют и свою судьбу, впоследствии сами направляясь эмоциями на эти причины и т. д. для лучшего ознакомления с ними и выяснения оптимального способа поведения. Только таким взаимодополняющим влиянием сфер интеллекта и аффекта, отвечающих соответственно за отражение объективных условий деятельности и субъективной значимости этих условий, обеспечивается достижение конечной цели деятельности - удовлетворение потребностей.

Эмоции и процессы мотивации. Этот вопрос как бы продолжает предыдущий по линии локализации эмоций в системе психического, однако им освещаются уже не топологические, а функциональные характеристики эмоциональной сферы, иначе говоря, он рассматривает локализацию эмоций не столько в системе психологических образований, сколько в системе сил, приводящих эти образования в движение. Сразу можно сказать, что решение этого вопроса самым прямым образом связано с исходным постулатом об объеме класса явлений, относимых к эмоциональным, и зависит от того, присоединяются ли к нему специфические переживания, имеющие побуждающий характер - желания, влечения, стремления и т. п.

Очевидно, что проблема природы процессов, побуждающих к деятельности, не является просто одной из внутренних проблем психологии эмоций. Из ее решения следуют далеко идущие концептуальные выводы, касающиеся принципиального понимания психического. Так, именно данная проблема является ключевой для различения в истории психологии дихотомных (интеллект - аффект) и трихотомных (познание - чувство - воля) схем

психического. В современной психологии она столь остро не стоит, однако ее значение продолжает отстаиваться так называемыми мотивационными теориями эмоций.

Нельзя забывать, что проблема детерминации поведения всегда привлекала внимание исследователей, хотя раздел мотивации, в пределах которого эта проблема изучается в настоящее время, является для психологии сравнительно новым. Если преодолеть барьер, созданный введением в психологию новой терминологии. История развития представлений об отношении эмоций и мотивации окажется весьма продолжительной и богатой. К мотивационным (в современном смысле) теориям, например, несомненно относится учение Б. Спинозы. В концепциях В. Вундта и Н. Грота, отделяющих побуждающие переживания от эмоциональных, последние тем не менее остаются неминуемым звеном развития процессов мотивации.

Обособление в психологии раздела мотивации связано с перемещением интересов исследователей с ближайших, непосредственных причин поведения (которыми и являются субъективные побуждения, желания) на все более отдаленные и опосредствованные. Действительно, для полного объяснения некоторого поступка явно недостаточно утверждения, что он был совершен из-за возникшего желания. Конкретное действие всегда отвечает некоторому более общему жизненному отношению, определяемому потребностями и ценностями субъекта, его привычками, прошлым опытом и т. п., которые в свою очередь определяются еще более общими закономерностями биологического и социального развития, и только в этом контексте оно может получить свое подлинное причинное объяснение. Проблема мотивации в том широком смысле, как она стоит в психологической науке в целом, предполагает выяснение всех факторов и детерминант, побуждающих, направляющих и поддерживающих поведение живого существа.

Однако ориентирующийся и действующий субъект всю сложную совокупность факторов, детерминирующих его поведение, непосредственно не отражает. Только человек имеет возможность познавать подлинные причины своего поведения, но ошибки, которые он при этом обычно делает, свидетельствуют о том, что это познание основывается на опосредованном отражении и догадках. С другой стороны, субъектом отчетливо переживаются возникающие у него эмоциональные побуждения, причем именно ими он реально руководствуется в жизни, если только этому не препятствуют другие побуждения (например, желание не причинять зла другим, быть верным чувству долга и т. п.). Этот простой факт и лежит в основе концепций, утверждающих, что эмоции (включая в них и желания) мотивируют поведение.

Естественно, что данное положение совершенно неприемлемо для авторов, которые между эмоциями и побуждающими переживаниями усматривают принципиальное отличие, относя последние к воле или мотивации, или вообще их игнорируя (что очень характерно для современной психологии). Парадигма таких концепций следующая: поведение детерминируется потребностями и мотивами; эмоции возникают в специфических ситуациях (например, фрустрации, конфликта, успеха-неуспеха) и выполняют в них свои специфические функции (например, активации, мобилизации, закрепления) .

В период становления психологии как самостоятельной науки на рубеже XX века эта вторая точка зрения практически вытеснила традицию единой интерпретации эмоциональных и мотивационных процессов, характерную для всего предшествовавшего периода развития представлений об эмоциях*,

*Этот вопрос более развернуто обсуждается нами в другой работе (1976, гл. 3.2).

и современная академическая схема изложения психологии трактует мотивацию и эмоции как две сравнительно обособленные проблемы, связи между которыми сопоставимы, например, со связями между восприятием и вниманием, или памятью и мышлением. Однако, как это часто бывает, укрепление позиций одной из противоборствующих сторон активизирует действия другой. Представляется, что именно этот механизм привел к появлению в психологии эмоций целого ряда работ, отстаивающих функциональное единство эмоциональных и потребностно-мотивационных процессов. Наиболее энергично старые идеи стали защищать в русской литературе - Л. И. Петражицкий (1908), в зарубежной, несколько десятилетий спустя - Р. У. Липер (см. также Arnold, Gasson, 1954, гл. 10; Young, 1961; Bindra, 1969; Tornkins, 1970 и др.).

Подводя итог обсуждению мотивирующей функции эмоций в зарубежной психологической литературе, М. Арнольд утверждает: <Отношение между эмоциями и мотивацией, изображаемое в теоретической литературе, остается совершенно неясным. Хотя снова и снова утверждается, что эмоции мотивируют, едва ли кто-либо смог выступить и недвусмысленно объяснить, как именно это происходит> (Arnold, 1969, с. 1041). В этих словах преувеличения нет. Так, Э. Даффи, отстаивая в одной из своих работ необходимость единой интерпретации мотивационных и эмоциональных процессов, вместе с тем утверждает, что оба термина - мотивация и эмоция - просто излишни в психологическом словаре (Duffy, 1948).

Неутешительность существующей картины не должна вызывать удивления по крайней мере по двум причинам. Во-первых, позиции параллелизма и позитивизма, в пределах которых формулируются современные мотивационные теории эмоций, не допускают выделения мира субъективных переживаний в качестве отдельного звена процессов регуляции, тогда как именно это условие позволяет не только формально объединить, но и различить мотивационные и эмоциональные процессы в единой интерпретации. Во-вторых, призывая фактически, к возвращению к старым забытым идеям, мотивационные теории не используют опыта, накопленного в их развитии в прошлом. Между тем этот опыт достаточно богат, и обвинения в несостоятельности дать объяснение тому, <как именно эмоции мотивируют>, были бы по отношению к нему несправедливыми.

Подлинную функциональную интерпретацию эмоции могут получить лишь в контексте отстаиваемого советской психологией положения о необходимом и активном участии субъективных переживаний в регуляции деятельности. Решение, которое в этих условиях получает вопрос об отношении эмоции к мотивации, в наиболее концентрированном виде передает формулировка С. Л. Рубинштейна, утверждающая, что эмоции являются субъективной формой существования потребностей (мотивации). Это значит, что мотивация открывается субъекту в виде эмоциональных явлений, которые сигнализируют ему о потребностной значимости объектов и побуждают направить на них деятельность. Эмоции и мотивационные процессы при этом не отождествляются: являясь субъективной формой существования мотивации, эмоциональные переживания представляют собой лишь итоговую, результативную форму ее существования, не отражающую всех тех процессов, которые подготавливают и определяют появление эмоциональных оценок и побуждений.

Как и многие другие, вопрос об универсальности мотивационной интерпретации эмоций зависит от постулируемого объема явлений, относимых к эмоциональным. Так, согласно теории Р. У. Липера, эмоции представляют собой только одну из форм мотивации, отвечающую за побуждение поведения наряду с такими <физиологически обусловленными> мотивами, как голод или физическая боль. Очевидно, если даже переживания голода и боли не считать эмоциональными, это не препятствует признанию, что именно они презентуют субъекту потребности (пищевую и самосохранения), представляя собой конкретно-субъективную форму их существования. Поэтому решение вопроса о том, вся ли мотивация открывается субъекту в виде эмоций, зависит исключительно от того, как будет проложена граница, разделяющая переживания эмоциональной и неэмоциональной природы.

Функции эмоций. Задачу изучения функционального значения эмоций отчетливо поставил Э. Клапаред (с. 94), показавший в результате ее реализации односторонность как классической, так и <периферической> интерпретации условий возникновения эмоционального процесса и предложивший примиряющую их схему. Однако внимание, уделяемое вопросу о функциях эмоций в более ранних концепциях, свидетельствует о том, что Клапаред зафиксировал и в виде методологического принципа тенденцию, проявляющуюся в психологии эмоций фактически с момента ее зарождения.

Вопрос о функциях является ключевым и пронизывающим всю психологию эмоций, поэтому основные и самые общие функциональные характеристики эмоций не могли не выявиться при обсуждении предыдущих вопросов. В пределах данного раздела эти общие функции эмоций мы обозначим с небольшими дополнительными комментариями, сосредотачивая основное внимание на более специфических проявлениях эмоций.

Скрупулезный анализ взглядов на природу эмоций, проведенный Н. Гротом в исторической части его работы (1879-1880), равно как и положения современных концепций позволяют заключить, что эмоции достаточно единодушно признаются выполняющими функцию оценки. Однако, принимая данное положение в качестве обобщенной точки зрения, нельзя упускать из виду, что при его конкретизации - при уточнении того, что именно, как именно, на какой основе и т. д. оценивают эмоции - высказываются различные мнения. Следует отметить, что способность эмоций производить оценку хорошо согласуется с их характеристиками, обсуждавшимися выше: их возникновении в значимых ситуациях, предметности, зависимости от потребностей и др. Основной вывод, следующий из объединенного анализа всех этих характеристик, заключается в том, что эмоции не являются опосредствованным продуктом мотивационной значимости отражаемых предметов (каким являются, например, развивающиеся по отношению к ним ориентировочно-исследовательские процессы), ими эта значимость непосредственно оценивается и выражается, они сигнализируют о ней субъекту. Иначе говоря, эмоции являются тем языком, той системой сигналов, посредством которой субъект узнает о потребностной значимости происходящего.

Продолжительные и продолжающиеся споры вокруг вопроса о мотивирующей роли эмоций - о выполняемой ими функции побуждения - выше обсуждались отдельно. К тому, что было сказано, добавим, что полное отстранение эмоций от функции побуждения в значительной мере обесмысливает и производимую ими функцию оценки. Разве из оценки происходящего может следовать, с биологической точки зрения, что-либо более целесообразное, чем немедленное побуждение присвоить, овладеть полезным и избавиться от вредного? Поэтому существует принципиальное различие между отрицанием эмоциональной природы побуждающих переживаний и отказом признать

какое бы то ни было участие эмоций в развитии этих переживаний. Последнее означает признание в природе психического значительного и едва ли чем-либо объяснимого несовершенства.

О способности эмоций побуждать действия говорят другие, более специфические их функции. Так, в критических условиях, при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, травмирующих, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций, развивается особый вид эмоциональных процессов - так называемые аффекты (см. работу Я. М. Калашника). Одно из функциональных проявлений аффекта заключается в том, что он навязывает

субъекту стереотипные действия, представляющие собой определенный закрепившийся в эволюции способ *р а з* решения ситуаций: бегство, оцепенение, агрессию и т. п. (Леонтьев, Судаков, 1978). Известно, что и другие ситуативные эмоции, такие как возмущение, гордость, обида, ревность, тоже способны *<навязать>* человеку определенные поступки, причем даже когда они для него нежелательны. Это позволяет утверждать, что к эмоциональному разрешению ситуаций приводят не только аффекты и что данная функция свойственна более широкому классу эмоциональных явлений (Вилюнас, 1976, с. 124). Наглядный пример такого проявления эмоций предоставляет исследование Т. Дембо (Dembo, 1931; см. также работу Ж--П. Сартра).

Однако одни и те же стереотипные действия не могут быть одинаково пригодными для всех. ситуаций, поэтому аффективные реакции, сложившиеся в эволюции для разрешения наиболее часто встречающихся затруднений, оправдывают себя лишь в типичных биологических условиях. Именно этим объясняется часто наблюдаемая бессмысленность или даже вредность действий, управляемых аффектом. Так, бессмысленными являются усилия птицы, бьющейся и помещении об оконное стекло, но в естественных условиях именно свет означал бы для нее свободу. Подобно этому, и оператор, покидающий во время аварии ничем ему не угрожающий пульт управления (Гуревич, 1965), мог, очевидно, избрать более правильный путь действий, если охвативший его аффект не вынудил бы его поступить по сложившемуся на протяжении миллионов лет правилу: немедленно удалиться от того, что вызывает страх.

Способность эмоций нарушать целенаправленную деятельность легла в основу теорий, подчеркивающих дезорганизационную функцию эмоций (Э. Клапаред; Piéron, 1928 и др.). Однако данная характеристика эмоций может быть принята лишь с определенными оговорками. Как показывают приведенные примеры, эмоции прежде всего организуют некоторую деятельность, отвлекая на нее силы и внимание, что, естественно, может помешать нормальному протеканию проводимой в тот же момент другой деятельности. Сама по себе эмоция дезорганизующей функции не несет, все зависит от условий, в которых она проявляется. Даже такая грубая биологическая реакция, как аффект, обычно дезорганизующая деятельность человека, при определенных условиях может оказаться полезной, например, когда от серьезной опасности ему приходится спасаться, полагаясь исключительно на физическую силу и выносливость. Это значит, что нарушение деятельности является не прямым, а побочным проявлением эмоций, иначе говоря, что в положении о дезорганизующей функции эмоций столько же правды, сколько, например, в утверждении, что праздничная демонстрация выполняет функцию задержки автотранспорта. На этом же основании не может быть оправдано и зародившееся еще в дискуссиях стоиков и эпикурейцев альтернативное противопоставление полезности и вредности эмоций, воспроизводимое в современной психологии противопоставлением *<мотивационных>* и *<дезорганизационных>* теорий (см. Leeper, 1948; Arnold, 1970).

Выше, при обсуждении отношений эмоций к процессам познания, мы познакомились с общим регулирующим влиянием эмоций, заключающимся в сосредоточении этих процессов на предметном содержании, имеющем эмоциональную окраску. В литературе особо выделяются две взаимодополняющие функции, выполняемые эмоциями по отношению к определенным психическим процессам, т. е. представляющие собой частные случаи общего регулирующего их влияния. Речь идет о влиянии эмоций на накопление и актуализацию индивидуального опыта. Первая функция, обсуждаемая под разными названиями: закрепления-торможения (П. К. Анохин), слеодообразования {А. Н. Леонтьев), подкрепления (П. В. Симонов), указывает на способность эмоций оставлять следы в опыте индивида, закрепляя в нем те воздействия и удавшиеся-неудавшиеся действия, которые их возбудили. Особенно ярко слеодообразующая функция проявляется в случаях экстремальных эмоциональных состояний (см. работы Я. М. Калашника и А. Р. Лурия).

Но сам по себе след не имел бы смысла, если не было бы возможности использовать его в будущем. В актуализации закрепленного опыта эмоции тоже играют значительную роль, и это подчеркивает вторая из выделяемых функций. Поскольку актуализация следов обычно опережает развитие событий и возникающие при этом эмоции сигнализируют о возможном приятном или неприятном их исходе, выделяют предвосхищающую функцию эмоций (Запорожец, Неверович, 1974). Поскольку предвосхищение событий существенно сокращает поиск правильного выхода из ситуации, выделяют эвристическую функцию (Тихомиров, Виноградов, 1969). В отношении этих функций эмоций, впрочем, как и в отношении других, важно подчеркнуть, что, констатируя определенное проявление эмоций, они остро ставят задачу выяснения того, как именно эмоции это делают, выяснения психологического механизма, лежащего в основе этих проявлений.

Большой теоретический интерес представляет функция эмоций, отчетливо намеченная в работах В. Вундта и выявляющая роль эмоциональных переживаний в становлении и организации субъективного образа. Согласно Вундту, эмоциональный тон ощущений (или более сложных <единиц> отражения), воспринимаемых одновременно или непосредственно друг за другом, сливается по определенным законам во все более и более общие равнодействующие переживания, соответственно организуя в восприятии и сами эти <единицы> (ощущения, представления и т. п.). Только в силу такого слияния чувств мы воспринимаем не набор пятен или звуков, а пейзаж и мелодию, не множество интроцептивных впечатлений, а свое тело. Таким образом, эмоциональные переживания выступают синтезирующей основой образа, обеспечивающей возможность целостного и структурированного отражения мозаичного разнообразия фактически действующих раздражений.

Целостность представляет собой не только явно обнаруживающуюся, но и одну из таинственных особенностей психического. Многие авторы, пытавшиеся осмыслить ее, останавливались, не найдя возможности избавиться от навязчивого образа гомункулуса. Даже гештальтпсихология, видевшая в этой особенности центральную проблему психологии и давшая тончайшее ее феноменологическое описание, для ее объяснения вынуждена была обратиться к спекулятивным построениям, ссылаясь, в частности, на взаимодействие электрополей. Поэтому учение Вундта о слиянии чувств, лежащем в основе познавательных синтезов, представляет интерес как одна из немногочисленных попыток вскрыть психологический механизм структурированности и целостности отражения.

Ярким примером эмоциональных синтезов, проявляющихся на уровне более сложных когнитивных образований, служат так называемые аффективные комплексы,

экспериментальное исследование которых, начатое К. Г. Юнгом, в советской психологии было развито А. Р. Лурия. Эти исследования показали, что совокупность образов, прямо или случайно связанных с ситуацией, породившей сильное эмоциональное переживание, образует в памяти прочный комплекс, актуализация одного из элементов которого влечет, даже против воли субъекта, немедленное <введение> в сознание других его элементов. Нельзя отказать в убедительности и тем многим примерам, которые приводит Вундт. Существуют также и определенные теоретические выводы, позволяющие говорить об оправданности поисков синтезирующей основы образа именно в сфере эмоционального.

Современная психология рассматривает чувственную ткань отражения как образование прежде всего когнитивной природы. Это вызывает существенные затруднения при попытке понять слияние в психическом образе воздействий разных модальностей. Представление же о синтезирующей роли эмоций позволяет оснастить образ как бы общим фундаментом, на который могут проецироваться и вступать во взаимодействие познавательные образования разных уровней и модальностей. Однако, говоря о преимуществах учения об эмоциональном <фундаменте> образа, следует отметить, что оно требует допущения, большинством современных авторов не принимаемого, а именно - принятия принципа панэмоциональности, согласно которому целостный акт отражения, по словам С. Л. Рубинштейна, <...всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов-знания и отношения, интеллектуального и <аффективного>, ...из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего> (1957, с. 264).

Учению Вундта об эмоциональной <ткани> психического созвучны представления Ф. Крюгера, в работе которого тоже отстаивается прямая связь между эмоциями и целостностью отражения. Однако, будучи принципиальным противником свойственного Вундту <атомизма>, стремящегося во что бы то ни стало сложить всевозможные психические образования из элементарных единиц, этот автор развивает свою теорию в направлении, противоположном вундтовскому - от целого к части. Согласно Крюгеру, эмоциональные переживания являются изначальным и единственным носителем целостности, сохраняющим за собой эту особенность и при выделении из тотальной целостности опыта диффузных комплексов и более строго организованных гештальтов. Именно эмоции, как бы репрезентирующие в этих обособляющихся образованиях целостность и являющиеся мерой этой целостности, препятствуют их изоляции и позволяют им оставаться частями единого мироощущения индивида.

Таким образом, отстаивая ту же идею об эмоциональной основе целостности отражения, синтезу Вундта Крюгер противопоставляет дифференциацию как основной принцип развития эмоциональных процессов. Однако и в данном случае обе точки зрения не являются альтернативными. Есть основания утверждать, что представления Крюгера более отвечают генетическому (в развитии ребенка многие новообразования формируются именно путем выделения из более общих и диффузных элементов опыта), тогда как Вундта - функциональному аспекту взаимоотношения эмоциональных и познавательных процессов. К сожалению, усвоение интересных и перспективных идей Крюгера затрудняет крайне сложный и трудный для восприятия язык их изложения.

Эмоции являются событием не только психологическим, и их функциональное назначение не исчерпывается разносторонними влияниями на уровне субъективного отражения. Как утверждал Р. Декарт, <главное действие всех людских страстей заключается в том, что они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти

подготавливают его тело» (1950, с. 615). Поскольку эмоции сигнализируют о значимости происходящего, подготовка в эмоциональном состоянии тела к лучшему восприятию и возможным действиям настолько целесообразно, что было бы удивительно, если она не закрепились в эволюции и не стала одной из характерных особенностей эмоциональных процессов. Разностороннее влияние эмоций на тело тоже получило отражение в выделении ряда их функциональных характеристик.

Многими авторами подчеркивается происходящая в эмоциональном состоянии активация нервных центров, а в конечном итоге - и всего организма, осуществляемая неспецифическими структурами ствола мозга и передаваемая неспецифическими путями возбуждения (Линдслей, 1960; Prince, 1928, Arnold, 1967; и др.). Согласно «активационным» теориям эмоции обеспечивают оптимальный уровень возбуждения центральной нервной системы и отдельных ее подструктур (и, соответственно, уровень бодрствования системы психического отражения), который может колебаться от коматозного состояния и глубокого сна до предельного напряжения в состоянии экстаза.

Активация нервной системы и прежде всего вегетативного ее отдела, приводит к многочисленным изменениям в состоянии внутренних органов и организма в целом. Характер этих изменений показывает, что эмоциональные состояния вызывают либо мобилизацию органов действия, энергетических ресурсов и защитных процессов организма, либо, в благоприятных ситуациях, его демобилизацию, настройку на внутренние процессы и накопление энергии (Кэннон, 1927). Очевидно, что функции активации и мобилизации-демобилизации тесно связаны и последнюю можно рассматривать как одно из результативных проявлений первой (наряду, например, с изменениями времени реакции или чувствительности анализаторов).

Наряду с общей подготовкой организма к действию отдельные эмоциональные состояния сопровождаются специфическими изменениями в пантомимике, мимике, звуковыми реакциями. Каково бы ни было изначальное происхождение и назначение этих реакций (см. Дарвин, 1953), в эволюции они развивались и закреплялись и как средства оповещения об эмоциональном состоянии индивида во внутривидовом и межвидовом общении. С повышением роли общения у высших животных выразительные движения становятся тонко дифференцированным языком, с помощью которого индивиды обмениваются информацией как о своем состоянии, так и о том, что происходит в среде (сигналы опасности, пищи и т. п.). Экспрессивная функция эмоций не потеряла своего значения и после того, как в историческом развитии человека сформировалась более совершенная форма обмена информацией - членораздельная речь. Сама усовершенствовавшись благодаря тому, что грубые врожденные формы выражения стали дополняться более тонкими конвенциональными нормами, усваиваемыми в онтогенезе, эмоциональная экспрессия осталась одним из главных факторов, обеспечивающих так называемую невербальную коммуникацию.

Для более полного ознакомления с функциональным назначением эмоций следовало бы наряду со сравнительно общими их проявлениями познакомиться еще со специфическими функциональными характеристиками отдельных эмоциональных состояний. Однако это значительно расширило бы наше обсуждение этой проблемы. Специфические особенности таких эмоциональных состояний, как смех, страх действия, печаль, горе, освещены в работах А. Бергсона, П. Жане, З. Фрейда, Э. Линдемманна. Кстати, работы 2-х последних авторов, а также работа Ж.-П. Сартра, вскрывают

еще одну общую характеристику эмоций, определенный аспект которой был обозначен А.Н. Леонтьевым как способность эмоций <ставить задачу на смысл>. Эмоции, особенно когда они сигнализируют о чем-то исключительном, не могут оставить личность равнодушной, вызывая порой сложную и развернутую <работу сознания> по ее объяснению, одобрению, примирению с нею или осуждению и даже вытеснению. Однако ставить данное проявление эмоций рядом с другими не позволяет то обстоятельство, что они в нем выступают не как непосредственно действующая сила, а как повод, в связи с которым приходит в движение вся сложная система сил личности и сознания.

Классификация эмоций. Существование принципиально различных классов эмоциональных явлений отчетливо демонстрируется сопоставлением, например, таких переживаний, как физическая боль и чувство гордости, панический страх и эстетическое наслаждение. Поэтому не является признаком исторического прогресса то обстоятельство, что многие современные концепции считают достаточным обсуждение некой эмоции вообще (Ж.-П. Сартр, Р. У. Липер, П. К. Анохин и др.). Обсуждение предыдущих вопросов должно было убедить нас, что при таком ограничении можно рассчитывать лишь на самый первый шаг в выяснении того, когда, как и зачем возникают эмоции, и что вопрос о классификации является важнейшим составным компонентом психологической теории эмоций, разработанность которого в некоторой концепции можно считать показателем и общей ее разработанности.

Многогранность эмоций, их проявление на различных уровнях отражения и деятельности, сложные отношения с предметным содержанием, способность к слиянию и образованию сочетаний исключают возможность простой линейной их классификации. Во всяком случае сегодня психология располагает целым рядом независимых или частично перекрывающихся признаков и оснований для деления эмоциональных явлений, а существующие классификационные схемы либо акцентируют одно или другое из этих делений, либо вводят их шаг за шагом в том или ином сочетании и последовательности. Даже перечень наиболее известных оснований выглядит внушительно.

Эмоции различаются по модальности (качеству), в частности - знаку, по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, генетическому происхождению, сложности, условиям возникновения, выполняемым функциям, воздействию на организм (стенические-астенические), форме своего развития, по уровням проявления в строении психического (высшие-низшие), по психическим процессам, с которыми они связаны, потребностям (инстинктам), по предметному содержанию и направленности, например, на себя и других, на прошлое, настоящее и будущее, по особенностям их выражения, нервному субстрату и др. Очевидно, что этот пестрый перечень, не раскрывающий ни существенности используемых признаков и оснований, ни эвристичности проводимых делений, может служить лишь для самого общего ознакомления с положением, существующим в проблеме классификации эмоций. Ниже мы попытаемся наметить отдельные тенденции и затруднения, характерные для этой проблемы.

Существующие классификационные схемы различаются соотношением своей теоретической и эмпирической обоснованности, и от этого прежде всего зависит возможность их принятия и оценки. Так, не разделяя представлений К. Бюлера (1924, □ 36) о трех стадиях генетического развития психики, мы можем скептически отнестись к его попытке связать с ними три разных отношения удовольствия-неудовольствия к деятельности. Но в обосновании того, что эмоции могут вызываться итоговыми результатами деятельности, сопровождать сам процесс деятельности или предшествовать ей, предвосхищая ее результаты, Бюлер

приводит также фактический материал и соображения о целесообразности таких отношений. Эти аргументы позволяют принять его классификационную схему, но только как эмпирическую и нуждающуюся в теоретическом обосновании.

Эмпирические классификационные схемы иногда не имеют единого основания, заменяя его перечислением специфических отличий выделяемых классов или состояний. Такие схемы являются скорее попытками систематического описания, чем собственно классификацией эмоций. Так, Л. И. Петражицкий называл распространенное <академическое> различие собственно эмоций, аффектов, настроений, чувств, страстей уродливой классификацией, сравнивая ее с рядом: <1) вода просто, 2) внезапный и сильный напор воды, 3) слабое и спокойное течение воды, 4) сильное и постоянное течение воды по одному глубокому руслу> (1908, с. 134). Разумеется, это справедливое сравнение не отвергает целесообразности выделения тех или иных подклассов эмоциональных явлений и направлена исключительно против попыток рассматривать их как классификацию в строгом смысле слова.

Отдельно можно выделить классификационные схемы, опирающиеся на представления о генетическом развитии и взаимодействии эмоций (Б. Спиноза, В. Вундт, Н. Грот). Таким схемам свойственно стремление выделить некоторое число базовых, исходных эмоций и далее проследить одно за другим условия и закономерности, по которым развиваются те или иные их сочетания и разновидности. Хотя такие <повествовательные> классификационные схемы с формальной точки зрения обычно не являются строгими, несомненное их преимущество заключается в том, что наряду с различием они несут еще большую нагрузку объяснения, так как происхождение вещи вносит, пожалуй, наибольший вклад в то ее видение, которое мы называем пониманием. Кстати, в генетических классификациях содержится и некоторое объяснение их логической нестрогости. Речь идет о признаваемой в них способности эмоций к слиянию и образованию сочетаний, разнообразие которых, по словам Спинозы, <невозможно определить никаким числом>.

Поэтапное введение оснований для различения эмоций, свойственное генетическим классификациям, позволяет избежать смешения классификации эмоций по их внутренним признакам (модальности, форме) и классификаций по сферам их проявления, предметному содержанию и другим внешним признакам. Представляется очевидным, что в обоих случаях классифицируются разные явления: в первом - собственно эмоциональные переживания, рассматриваемые безотносительно к тому, на что они направлены, во втором - целостные эмоциональные явления, в которые входят эмоциональные переживания вместе с <окрашиваемым> ими предметным содержанием. Радость как эмоциональное переживание всегда тождественна сама себе и может быть противопоставлена грусти, гневу, боязни и т. п., но рассматриваемая вместе с предметным содержанием она может объединяться с грустью в разряд, например, этических эмоций и противопоставляться радости как эстетической или родительской эмоции.

С недостаточно четким различием <внутренних> и <внешних> оснований для классификации эмоций связано, пожалуй, больше всего затруднений и недоразумений в истории этой проблемы. Частично это объясняется тем, что, за исключением очевидного различия эмоциональных переживаний по знаку (хотя еще Платон писал о смешении удовольствия и страдания в сложных переживаниях), модальность эмоций, рассматриваемая сама по себе, не обнаруживает других столь же явных признаков упорядоченности. Оригинальное объяснение этому факту было дано В. Вундтом, предложившим рассматривать

модальность как градиентное составное свойство, определяющееся соотношением трех его двухполюсных компонентов: удовольствия-неудовольствия, возбуждения-успокоения и напряжения-разрешения. Однако хотя <факторная> интерпретация В. Вундтом модальности эмоций впоследствии получила серьезную поддержку в экспериментальном исследовании экспрессии и семантики эмоций (Рейковский, 1979, гл. 3; Архипкина, 1981; в советской психологии идею Вундта поддерживал С. Л. Рубинштейн), заметного распространения в психологии она не получила.

Не имея возможности опираться на внутренние признаки, большинство авторов при систематическом описании модальности эмоций используют внешние по отношению к ней основания. Упомянувшиеся выше базовые модальности вводятся постулативно или обосновываются сложным контекстом теоретических представлений (например, в работе Н. Грота)*.

* В советской психологии идея о существовании базовых модальностей отстает в работах А. Е. Ольшанниковой и ее сотрудников (1978).

Примером эмпирической классификации может служить различие десяти <фундаментальных> эмоций, выделенных на основе комплексного критерия; охватывающего их нервный субстрат, экспрессию и субъективное качество (Изард, 1980, с. 83). Несмотря на объективную обоснованность, эмпирические классификации не дают ответа на вопрос, почему в развитии психического сложились и закрепились именно выделяемые в них модальности. Осветить этот вопрос могли бы попытки связать модальность эмоций с потребностями (например, Додонов, 1975) или, в более старой терминологии, инстинктами (Макдауголл, 1916, гл. 3), однако эти попытки оставляют без объяснения эмоции, определяющиеся условиями деятельности независимо от того, каким потребностям она отвечает.

Одной из попыток разрешить указанные затруднения является объединение потребностей и условий деятельности в общее основание для классификации эмоций (Симонов, 1966, с. 53-59; Plutchik, 1968). Второй, менее искусственный способ, предложенный У. Макдауголлом, заключается в принципиальном различии эмоций, отвечающих потребностям (инстинктам, устремлениям), и чувств, зависящих от условий деятельности. Сходное различие тех же, только взаимозаменяемых, терминов предложил Э. Клапаред; согласно этому автору, от чувств, выражающих приспособительные установки индивида, следует отличать эмоции, развивающиеся в условиях, затрудняющих приспособление. Эту же идею можно усмотреть в различии М. Арнольд и Дж. Гассоном импульсивных и <преодолевающих> (contending) эмоций, возникающих соответственно при отсутствии и наличии препятствий на пути к достижению цели (Arnold, Gasson, 1954, гл. 10), в различии П. В. Симоновым (1966, с. 23-40) эмоционального тона ощущений и собственно эмоций, Б. И. Додоновым (1975, с. 25)-специфических и неспецифических эмоций.

Уже сам факт использования сходной, причем отнюдь не очевидной идеи в различных концепциях, не имевших влияния друг на друга, свидетельствует о том, что она отвечает некоторой актуальной нужде психологии эмоций. И действительно, в обобщенном виде эти различия указывают на своеобразное строение эмоциональной сферы отражения, в которой выделяется система эмоций, презентующих субъекту потребности и направленных на их предметы, и другая система, общая для всех потребностей, помогающая субъекту в достижении этих предметов. Естественно, что эти эмоции

должны существенно различаться своими особенностями (генетическим развитием, условиями возникновения и т. д.), поэтому можно согласиться с У. Малдауголлом, утверждавшим, что, если мы перестанем смешивать эти классы эмоций, <научные исследования станут значительно более ясными и точными>. Основания и теоретические последствия данного классификационного деления эмоций мы попытались обобщить и развить в предложении различать ведущие и производные (ситуативные) эмоциональные явления (Вилюнас, 1976, гл. 4.3).

Динамика эмоций. В данном подразделе речь будет идти о представлениях, касающихся внутренних закономерностей протекания и развития эмоционального процесса. Этот аспект проблемы эмоций практически не освещается в современных концепциях, склонных рассматривать эмоциональную сферу как систему независимых реакций на определенные условия и ситуации. В концепциях прошлого, подчеркивавших взаимодействие и взаимообусловленность эмоциональных переживаний в генетическом и ситуативном их развитии, вопрос о динамике эмоций занимает, как правило, весьма важное место. Можно выделить несколько тенденций, характерных для изображения динамики эмоций в психологической теории.

Даже если рассматривать эмоции как изолированные реакции на определенные воздействия, естественно встает вопрос о том, обнаруживают ли эти реакции некоторое временно'e развитие, или же остаются без изменения. Этот вопрос рассматривался В. Вундтом, однако только в отношении специфического класса эмоций, получивших в его концепции название аффектов (так как только они являются реакциями, имеющими независимое, самостоятельное развитие). Вундт считает, что это развитие заключается как в количественном, так и в качественном изменении эмоционального переживания и что специфический характер, <форма> этого изменения собственно и отличает один аффект от другого. Достигнув стадии аффекта, эмоциональный процесс подчиняется уже не внешним воздействиям, а именно <форме> этого аффекта, которую он должен пройти, постепенно угасая или приводя к формированию волевого побуждения.

Подавляющее большинство обычных, <умеренных> эмоциональных переживаний не являются, согласно Вундту, автономными, так как с момента своего возникновения они вливаются в общий поток других переживаний, вступая с ними во взаимодействие и видоизменяясь. Таким образом, в учении Вундта отчетливо обозначено еще одно положение, касающееся динамики эмоций - положение о соединении, слиянии, суммации отдельных эмоций в более сложные эмоциональные образования. О значении этой особенности эмоций мы говорили, обсуждая их проявление в качестве синтезирующей основы образа. Важно подчеркнуть, что именно представления о трехкомпонентном составе любой эмоции, служащем как бы общей основой для их слияния, позволили Вундту ставить вопрос об универсальных принципах этого процесса. В частности, было показано существование как пространственного взаимодействия и суммации эмоциональных впечатлений, переживаемых одновременно (например, при восприятии пейзажа, архитектурного ансамбля), так и временной суммации переживаний, следующих друг за другом (например, при восприятии музыкального произведения).

Для многих теорий возможность соединения эмоций служит важнейшим принципом, объясняющим возникновение сложных эмоций из более простых. Согласно Х. Вольфу, одно из определений эмоций (<номинальное>) заключается в раскрытии составляющих ее элементов. Так, сострадание Р. Декарт (1950) объясняет соединением печали и любви, ревность, согласно Б. Спинозе - сложный аффект, состоящий одновременно из любви и ненависти к любимому лицу и зависти к тому, кого он любит.

В комплексе эмоциональных переживаний, соединяющихся в более сложные образования, иногда можно найти элементы, связанные причинно-следственными отношениями. Такая способность эмоций порождать и обуславливать друг друга является еще одним и, пожалуй, самым интересным моментом, характеризующим их динамику.

В выявлении и описании конкретных закономерностей порождения одних эмоций другими больше всего было сделано Б. Спинозой. Приводимый им материал показывает, что эмоциональные отношения, развивающиеся при различных обстоятельствах из некоторой исходной эмоции, в отдельных случаях могут быть весьма сложны и разнообразны. Так, субъект, охваченный любовью, сопереживает аффекты того, кого он любит. Вследствие такого сопереживания любовь может распространиться на другое лицо: того, кто причиняет предмету нашей любви удовольствие, мы будем тоже любить, а того, кто причиняет ему неудовольствие, мы будем ненавидеть. Одно из последствий любви заключается в том, что она порождает желание взаимности, которое, будучи неудовлетворенным, вызывает неудовольствие. Если человек при этом считает, что его не любят по его же вине, он будет охвачен аффектом приниженности, если же он так не думает, он будет испытывать ненависть к тому, кого он полагает причиной получаемого от неразделенной любви неудовольствия. Такой причиной может быть сам предмет любви или, например, тот, кого он любит. В последнем случае возникает особый вид ненависти - ревность.

Независимо от того, полностью ли мы согласимся с утверждениями, содержащимися в этом примере (он мог бы быть продолжен), или будем считать, что в него нужно внести некоторые поправки, - он свидетельствует о том, что изучение отдельных эмоциональных реакций не может привести к пониманию эмоционального поведения, важнейшей детерминантой которого является взаимосвязанность этих реакций, их способность изменяться и порождать друг друга, по мере того как этого требуют изменяющиеся условия. Иначе говоря, в полном своем виде эмоциональная реакция является как бы разветвленной и каждая из таких ветвей означает потенциальную возможность ее дальнейшего развития, отвечающего тому или иному варианту изменения ситуации. Понятно, что такая организация эмоциональных реакций является важным эволюционным приобретением, существенно повысившим возможность гибкого адаптивного поведения.

В представлениях об обусловленности эмоций друг другом особое место занимает положение о взаимопорождении оценивающих (удовольствие-неудовольствие и их производные) и побуждающих (желания, влечения) переживаний. Значение этих простых естественных положений (неприятное порождает желание от него избавиться, неудовлетворенное желание вызывает неудовольствие и т. д.) заключается в том, что их принятием или отвержением решается, как мы уже говорили, вопрос об отношении эмоций и мотивации, в конечном счете - о <выходе> эмоций в действие.

Физиологические механизмы эмоций. Наряду с работами, для которых вопрос о физиологических механизмах эмоций является естественным продолжением вопроса об условиях их возникновения, приводящих эти механизмы в движение (в этом отношении характерна теория П. К. Анохина, имеющая структуру условия - механизмы-функции эмоций), существует целый ряд теорий, для которых этот вопрос является главным, а порой и единственным. Важную роль в появлении этих теорий сыграла <периферическая> теория У. Джемса и К. Г. Ланге (1890), впервые сформулировавшая объяснение природы эмоций ссылкой на определенный физиологический процесс. Вызвав оживленную и продолжительную дискуссию (см., например, Schachter, 1970),

<периферическая> теория стала своего рода образцом для большого числа альтернативных теорий, отличающихся лишь тем, какой именно физиологический процесс рассматривался главной детерминантой возникновения эмоций вместо предложенного Джемсом - Ланге нервного возбуждения, исходящего из висцеральных органов: таламический (Cannon, 1927; Bard, 1934), лимбический (Гельгорн, Луфборроу, 1966; Papez, 1937), диффузно-активационный (Линдслей, 1960; Pie'ron, 1928; Prince, 1928; Arnold, 1967) и др. (см. обсуждение этих теорий в работах Ж.-П. Сартра, Р. У. Липера).

Не вникая в содержание этих работ, внесших большой вклад в выяснение физиологической основы эмоциональных процессов, в качестве общего их недостатка отметим характерное для них недифференцированное отношение к эмоциям. Как показал Э. Клапаред, только из-за предвзятой и ничем не оправданной унифицированной интерпретации эмоций кажутся непримиримыми классические и <периферическая> теории эмоций. Достаточно отказаться от отношения к эмоциям как к процессам, протекающим по некоторому единому образцу, и мы получаем возможность провести элементарное классификационное их деление, позволяющее объяснить один класс эмоций согласно классическим представлениям, Другой - согласно <периферической> теории. В советской психологии идею о том, что органические изменения играют роль в развитии определенных эмоциональных состояний, защищал С. Л. Рубинштейн (1946, с. 481).

Вопрос о физиологических механизмах эмоций имеет непосредственное отношение к проблеме выражения эмоций в мимике, пантомимике, вегетативных функциях организма и т. п. Эта проблема, интенсивно изучаемая экспериментально, является предметом развернутого обсуждения также и в отдельных теоретических работах. Исключительно ей посвящен, например, большой труд Ч. Дарвина (1953). Нельзя не видеть некоторой симптоматичности в том, что выходом в свет именно этой работы, столь же односторонней, как и <периферическая> теория, обычно датируется начало современного этапа в исследовании эмоций. Среди современных авторов сравнительно большое внимание вопросу о выражении эмоций уделяет К. Изард (1980).

Завершая обзор основных проблем психологии эмоций, подчеркнем, что в нем были затронуты лишь традиционные вопросы, обсуждаемые в классических и современных концепциях. Это значит, что представленный перечень вопросов знакомит с тем, как эмоции изучаются, но не как должны или могли бы изучаться в психологии. Не является тайной, что в области эмоций существует еще очень много тончайшего фактического материала, который психологическая теория не способна систематически осмыслить и объяснить. Бросается в глаза, например, тот факт, что в теориях эмоций хронически обходится вопрос об их онтогенетическом развитии. Конечно, неосвещенность такого рода вопросов не может быть случайной. Некоторое объяснение этому дают данные, тоже теоретически недостаточно осмысленные, о патологических изменениях и индивидуальных различиях в эмоциональной жизни (с этими данными знакомят работы П. Б. Ганнушкина, К. Г. Юнга; см. также Додонов, 1978), в частности данные о возможном резком изменении основных характеристик эмоциональной жизни (например, внезапное возникновение тревожности, жизнерадостности) под влиянием патогенного фактора. Действительно, как изобразить продуктом продолжительного развития то, что способно в самые сжатые сроки исчезнуть, уступив место другому, новому, совсем непохожему и даже противоречащему тому, что исчезло? Не может быть сомнений, что за этим кроется одна из многочисленных тайн, столь характерных для психологии эмоций.

Можно выразить надежду, что данная книга будет способствовать как ознакомлению с тайнами эмоций, так и увеличению числа заинтересованных в их разгадке. Ее редакторы-составители благодарны А. А. Пузырею, составившему биографические справки об авторах, Е. Ю. Патяевой, А. А. Пузырею, Е. Е. Насиновской, Ф. Е. Василюку, О. С. Копиной, подготовившим ряд переводных текстов, а также многим сотрудникам ф-та психологии МГУ и друзьям, помогавшим при подготовке этой книги к изданию.

ЛИТЕРАТУРА

Архипкина О. С. Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния. - Вести. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1981. №2.

Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.

Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М., 1980.

Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.

Вудворте Р. Экспериментальная психология. М., 1950.

Вундт В. Основы физиологической психологии, т. 2. Б. м. и г.

Выготский Л. С. Спиноза и его учение об эмоциях в свете современной психоневрологии. - Вопросы философии, 1970, № 6.

Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. М., 1966.

Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. Спб., 1879-1880.

Гуревич К. М. Психологические вопросы изучения профессиональной пригодности работников энергосистемы. - В кн.: Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., 1965.

Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека. - Соч., т. 5. М., 1953.

Декарт Р. Страсти души. - Избранные произведения. М., 1950.

Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности. - Вопросы психологии, 1975, № 6.

Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978.

Запорожец, А. В., Неверович Я. З. О генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка. - Вопросы психологии, 1974, № 6.

Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980.

Кеннон В. Физиология эмоций. Л., 1927.

Ланге К. Г. Аффекты. Спб., 1890.

- Леонтьев А. Н., Судаков К. В. Эмоции.-БСЭ, т. 30. М., 1978.
- Линдслей Д. Б. Эмоции.-В кн.: Экспериментальная психология, т. 1.
- Макдауголл У. Основные проблемы социальной психологии. М., 1916.
- Ольшанникова А. Е. К психологической диагностике эмоциональности.- В кн.: Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978.
- Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Спб., 1908.
- Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- Симонов П. В. Что такое эмоция? М., 1966.
- Тихомиров О. К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик.-В кн.: Психологические исследования. М., 1969.
- Фресс П. Эмоции.-В кн.: Экспериментальная психология, вып. 5. М., 1975.
- Andre'ani T. Les conduites e'motives. Paris, 1968.
- Arnold M. B. An excitatory theory of emotion. - In: Reyinert M. L. (ed.) Feelings and emotions. N. Y., 1967.
- Arnold M. B. Emotion, motivation and the limbic system.-Ann. N.Y. Acad. Sci., 1969, v. 159, № 3.
- Arnold M. B. Perennial problems in the field of emotion.-In: Arnold M. B. (ed.). Feelings and emotions. N. Y., 1970.
- Arnold M. B., Gasson J. A. The human person. N. Y., 1954.
- Bard P. On emotional expression after decortication with some remarks on certain theoretical views, p. I, p. II. - Psychol. Rev., 1934, v. 41, № 4, № 5.
- Bindra D. A unified interpretation of emotion and .motivation.-Ann. N. Y. Acad. Sci., 1969, v. 159, № 3.
- Cannon W. B. The James-Lange theory of emotion: a critical examination and an alternative theory. - Amer. J. Psychol., 1927, v. 39, № 1-4.
- Dembo T. Der Arger als dynamisches Problem.-Psychol. Forsch., 1931, Bd. 15.
- Duffy E. Leeper's <Motivational theory of emotion>. - Psychol. Rev., 1948, v. 55, № 6.
- Hodge F. A. The emotion in a new role.-Psychol. Rev., 1935, v. 42, № 6.

Lazarus R. S. Emotion as coping process.-In: Arnold M. B. (ed.). The nature of emotion. Baltimore, 1968.

Leeper R. W. A motivational theory of emotion to replace <emotion as disorganized response>.- Psychol. Rev., 1948, v. 55, № 1.

Papez R. W. A proposed mechanism of emotion.-Arch. Neurol. Psychiat., 1937, v. 38, № 4.

Pie'ron H. Emotions in animals and man.-In: Reymert M. L. (ed.). Feelings and emotions. Worcester. 1928.

Plutchik R. The evolutionary basis of emotional behavior.-In: Arnold M. B. (ed.). The nature of emotion. Baltimore, 1968.

Prince M. Can emotion be regarded as energy?-In: Reymert M. L. (ed.). Feelings and emotions. Worcester, 1928.

Schachter S. The assumption of identity and peripheralist-centralist controversies in motivation and emotion.-In: Arnold M. B. (ed.). Feelings and emotions.

Tomkins S. S. Affect as the primary motivational system.-In: Arnold M. B. (ed.). Feelings and emotions. N. Y., 1970.

Young P. T. Motivation and emotion. N. Y., 1961.